

ОБЩИНЫ „ГОТИИ“

Деревня средневекового Крым

Изучение феодализма в Крыму в настоящее время только выходит из стадии постановки проблемы. Это вызвано крайней скудостью письменных источников, относящихся к средневековому Крыму, и недостаточной изученностью его памятников. Большая часть уже накопленных археологических материалов еще не вполне систематизирована и не опубликована. Это затрудняет изучение истории поселений и сельского хозяйства.

Мнения ряда исследователей сходятся в том, что становление феодальных отношений в Крыму надо относить к IX—X вв., расцвет же их падает на XII—XV вв.

Письменные источники, в которых можно найти интересующие нас данные, в основном относятся к более позднему времени (начиная с XV в.) и в свою очередь

нуждаются в ретроспективном анализе. Так, например, важные сведения о деревне средневекового Крыма имеются в «Уставе Кафы» (1449 г.). Он касается в основном восточного Крыма, но констатирует и ряд фактов, имеющих отношение к горным, в том числе юго-западным, его районам. Так, из «Устава» мы узнаем о существовании там в первой половине XV в. свободных «общин Готии».

«Устав» дает характеристику отдельных сельскохозяйственных территорий (поля, луга, пастбища, сады, виноградники), приводит перечень зерновых, технических, садовых и огородных культур, говорит о виноградарстве и виноделии, сообщает сроки уборки урожая, называет домашних животных, орудия труда. «Устав» содержит и целый ряд практических рекомендаций по ведению хозяйства.

Краткие, но важные сведения об аграрных отношениях в XV в. в деревнях, принадлежавших феодалам-генуэзцам, известны из документов архива Банка святого Георгия¹, который управлял генуэзскими колониями в Крыму.

Перечень средневековых поселений, подчиненных непосредственно туркам, приводится в «Повелительном листе» крымского хана Шагин-Гирея, изданном в 1780 г., но повторявшем, по-видимому, лишь то, что было узаконено на три столетия раньше (турки подчинили себе Крым в 1475 г.).

Этим почти ограничивается круг известных письменных источников, так или иначе упоминающих о деревне средневекового Крыма. Поэтому приходится обращаться главным образом к археологическим памятникам. Из них первостепенное значение имеют городища, замки, монастыри и поселения, которые были расположены недалеко от крупного торгово-ремесленного города Херсона, в бассейнах рек Альмы, Качи, Бельбека, Черной с их притоками, а также на южном побережье Крыма. Эти места, удобные для оседлой жизни и земледелия, обжиты с глубокой древности, а так как они были относительно защищены от кочевников, то жизнь здесь никогда не прерывалась надолго.

В предшествующих главах затронуты некоторые стороны жизни деревни средневекового Крыма в ее относительно ранний период (X—XII вв.); были названы или описаны отдельные памятники (Аю-Дагское, Басманское поселения и др.). Предлагаемые ниже дополнительные экскурсии по некоторым из наиболее сохранившихся остатков средневековых поселений могут быть совершены попутно с посещением тех замков и городищ, маршруты по которым даны выше.

¹ См. ниже, стр. 166.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАЧИ¹

Южнее Качи-Кальона (вверх по Каче и ее притокам) подле каждого из современных сел — Баштановки, Пещерного, Высокого, Верхоречья, Охотничьего и др. — находятся остатки средневековых поселений и могильников. Особенно интересно кладбище близ с. Кудрино с развалинами церкви — одной из тех, которым во времена Крымского ханства оказывали поддержку московские князья, искавшие тесных связей с православным населением Крыма.

В с. Верхоречье, на холме, что напротив современного кладбища, уцелел средневековый могильник. Некоторые его надгробия с изображениями орудий труда дали ценный материал для изучения деревни средневекового Крыма. На современном же кладбище стоят развалины церкви с фресками XIV и XVI вв. Греческая надпись, найденная в ней и рассказывающая о ее восстановлении в дни турецкого владычества, позволяет понять роль, которую играли духовенство и местная феодальная знать при татарах и турках. Последние поступили в завоеванном Крыму так же, как некогда на Балканах, на территории разрушенной ими Византийской империи: они сохранили, подчинив себе, почти весь аппарат местного феодального и церковного управления, предоставив титулы и материальные блага знати и попам. Те, продавшись завоевателям, стали служить им, не забывая собственных нужд и по-прежнему выжимая все соки из своих соплеменников. Позднесредневековые документы говорят и о таких фактах, когда православное духовенство Крыма прибегало к помощи турецких и татарских властей для взимания с населения церковных сборов.

На территории нынешнего с. Баштановка, под мысом Бурун-Кая, видимо, тоже было раннесредневековое поселение: в глинище на восточной окраине села обнаружены склепы с захоронениями VI—VIII вв.; в таком же глинище с северо-западной его стороны и на вспаханном поле обнаружены затянутые землей остатки жилищ, разоренные очаги, зерновые ямы.

Сам Качи-Кальон — большой пещерный монастырь — предстает во всей его хозяйственной деятельности. Он окружен мелкими усадьбами крестьян, живших в монастырских владениях на удобных для виноградарства склонах Качи-Кальона.

На уровне Большого грота с его кельями и «святым» родником, с храмом и могильником на площадке перед гротом, за пределами монастырской ограды тянутся к северо-западу хозяйственные сооружения и давальни для винограда, устроенные в пещерах. Последние

идут в два, местами и в три яруса над тропой, проходящей вдоль всего обрыва, где до сих пор сохранились остатки крепид, вымосток, барьеров.

Между пещерами — лесенки, вырубленные в скале. Ниже пещер на крутом склоне и искусственно созданных площадках сохранились каменные кладки наземных жилищ, пещеры хозяйственного назначения. Улавливается целый ряд мелких усадеб — каждая со своим тарапаном и подсобными помещениями; прослеживаются улицы и проулки между усадьбами.

К юго-востоку от монастыря картина несколько иная. Тут к нему прилегает поселение из более обширных усадеб, разбросанных по склону поодаль одна от другой — тоже с тарапанами и подвалами, высеченными в скалах. По-видимому, виноградари и виноделы, расселившиеся на этих склонах, находились в несколько иной зависимости от монастыря, чем обитатели близкого к монастырю северо-западного участка, вероятно лишенные земельных наделов.

Такую же картину мы увидим и на удобных для хлебопашества землях средневекового поселения к северу от монастыря (через ущелье) на плато Фицкин-Кая-Баш. Пройдя по мелкоколесью между балками, по которым струится родниковая вода, мы увидим многочисленные следы и развалины широко разбросанных средневековых усадеб. Проступают фундаменты построек, видны ограды больших земельных участков; местами вода вымывает из обнажений грунта черепки разнообразной гончарной посуды X—XIII вв. То же мы найдем и на заросшем густым лесом плато над самим Качи-Кальоном.

Напротив Качи-Кальона, на другом берегу реки, как бы противопоставляя себя монастырю, стоит на мысу Бурун-Кая небольшое укрепление. Вокруг него — многочисленные постройки средневекового поселения. Быть может, перед нами сельская община, не связанная с монастырем, захватившим лучшие земли, и вынужденная поселиться на каменной земле, мало пригодной для пахоты. Обитатели хижин, разместившихся подле убежища, скорее всего занимались пастушеским скотоводством. Вероятно, этим определялась и роль укрепления Бурун-Кая, внутри которого нет ни культурного слоя, ни признаков каких-либо строений. Укрепление могло служить убежищем для людей и скота на случай военной опасности. По своему облику этот исар чрезвычайно близок и к Басманскому исару и к позднескифским укреплениям типа Джалманского, Карагачского, и к такому древнему, неоспоримо таврскому, укреплению, как Таш-Джарганское близ Симферополя (у с. Чистенькое).

Связь рассматриваемого укрепления с обступившими его каменными хижинами ясна, а их развалины дают обломки средневековых круглодонных реберчатых амфор, плоскодонных кувшинов с «ременными» ручками, посуды с волнистым резным орнаментом или

¹ Этот и два последующих раздела написаны О. И. Домбровским.

росписью белым ангобом¹, т. е. тот же материал (не ранее IX—X вв.), что и Качи-Кальон.

Однако небольшие шурфы на территории поселения дали и таврский материал. Это наводит на предположение о глубокой древности поселения, а может быть, и связанного с ним убежища. Раскопки на Бурун-Кая были бы чрезвычайно важны для выяснения проблемы непрерывной преемственности хозяйственных и строительных традиций в Таврике.

ПОСЕЛЕНИЯ БАЙДАРСКОЙ ДОЛИНЫ

В Байдарской долине в ущелье речки Узун-Узень (притока р. Черной), которое открывается в долину с востока, а также в западных ответвлениях той же долины, имеется тринадцать современных сел. Они стоят на остатках средневековых поселений или в непосредственной близости от них. Поселения эти интересны прежде всего тем, что жизнь на них никогда надолго не прерывалась. Их раскопки дают археологический материал от V—VI вв. до позднего средневековья включительно. Все эти поселения окружали долину, разместившись как бы на краях огромной чаши, которую наполняет влагой р. Черная с ее притоками.

Нынешнего Байдарского водохранилища тогда не существовало, но тем не менее плодородная земля долины хорошо орошалась. Расселение обрабатывавших ее средневековых земледельцев не в самой долине, а на каменистых склонах гор или на глинистых холмах у ее краев, по-видимому, объясняется стремлением не занимать землю, предназначенную для полей и садов. Это было выгодно и с точки зрения обороны поселений от врагов, которые всегда могли найтись в то беспокойное время, полное раздора и вооруженных стычек с пришельцами или друг с другом. Нигде поблизости (если не считать Ласпи и Кокия, изолированных от Байдарской долины горными хребтами) не было замка или крепости, которые бы охраняли эти поселения.

Предоставленные самим себе, они жили скученно: усадьбы их были невелики, небольшие постройки с маленькими двориками строились вплотную одна к другой на искусственных ступенчатых террасах крутых склонов или холмов. Каждое поселение напоминало улей, обитатели которого, вероятно, были связаны различными степенями родства. Картины подобной же планировки вскрыли еще не законченные раскопки средневековой Баги (возле с. Ново-Бобровское).

Рядом с поселением в ущелье р. Баги (притока р. Черной) есть

¹ Ангоб — водонепроницаемый состав из отмученной и жидко разведенной глины. Глиняный сосуд, покрытый или расписанный ангобом, подвергался вторичному обжигу.

пещеры с признаками культурного слоя и остатками каменных сооружений. На лесистой горе над пещерами и поселением — остатки примитивных стен небольшого убежища того же типа, что Аю-Дагское, Мердвенское, Басманское и др. По-видимому, как и там, здесь был укрепленный загон для животных, который можно сравнить и с позднескифскими убежищами-загонами, и с африканскими краалями. В нем, в случае нужды, могли прятаться и люди.

На высотах над Багой простираются пастбища, местами покрытые зарослями редкого колючего кустарника и можжевельных деревьев. К востоку, в 4 км от Баги, на том же хребте возле урочища Ай-Димитрий расположена уже названная в этой книге пещера Сюндурлю-Коба, которая использовалась средневековыми пастухами.

В глубине пещеры, теперь сильно заплывшей, когда-то была вода. Тут собраны обломки различной посуды VI—XV вв. Пещера изобилует костями домашних животных — преимущественно овец и коз. Наряду с целыми костями и черепами попадает много дробленых и обожженных — это пищевые отбросы. Найдены и человеческие кости. Дальнейшие раскопки несомненно откроют картину длительного использования пещеры людьми.

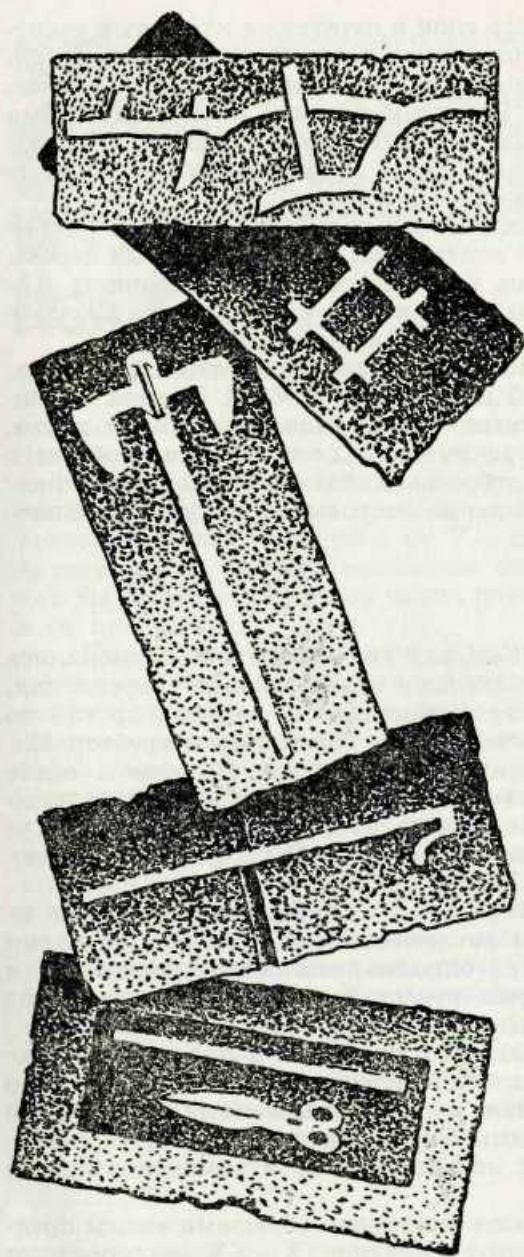
ЛАСПИ

На ласпинской скале Ильяс-Кая, как уже говорилось, сохранились остатки храма X—XV вв. и небольшого средневекового укрепления. К нему примыкали постройки, громоздившиеся одна над другой по весьма крутому склону к седловине между Ильяс-Кая и хребтом Мачук, отделяющим Ласпи от Байдарской долины. На самом седле среди одичалых грушевых деревьев заметны фундаменты более поздних построек (XII—XIV вв.). Некоторые из этих усадеб примыкали к Острым скалам на южном склоне от седла к Сарычу. Такие же постройки обступали скалу Ильяс-Кая и с севера.

Поселение на седле носило название Ласпи, оно осталось и за всем урочищем, так как внутри котловины, ниже седла и развалин XII—XIV вв., долго существовала одноименная позднесредневековая деревня (XV—XVIII вв.), которая перестала существовать в конце XVIII в. после выселения ее жителей в приазовские степи.

На скале Ильяс-Кая с западной стороны есть большая труднодоступная терраса — уступ, подобный всяческому балкону. На него открываются гроты, где обнаружен раннесредневековый культурный слой с костями овец и коз, обломками керамики VIII—X столетий. По-видимому, гроты временами использовались в качестве убежищ для людей и скота.

Группа построек на склоне под северными обрывами скалы представляла собой второе средневековое поселение (X—XV вв.), носившее

название Хаспи — оно отмечено на некоторых старых картах. Третье поселение того же времени, следы которого теперь еле видны, находилось у источника возле лесного кордона у самой дороги к морю, оно называлось Шабурла; четвертое — на северо-западной стороне урочища, на участке между скалами Кале-Кая и Куш-Кая — теперь едва заметно и не сохранило своего названия, как и два приморских поселения. В районе пионерских лагерей и строящегося шоссе во многих местах встречаются среди леса остатки отдельных усадеб XIV—XV вв. Они были разрушены в тот период, когда урочище принадлежало частным лицам, которые разобрали для своих нужд почти весь камень средневековых зданий и оград. Такая же судьба постигла и средневековый могильник Ласпи, малоисследованный, но известный в науке своими надгробиями с изображениями орудий труда.

Несмотря на сильную разрушенность памятников Ласпи, все они ясно видны. Говоря о планировке и характере жилищ, отметим существенное различие между широко разбросанными средневековыми поселениями Ласпи и синхронными им ульеобразными поселениями Байдарской долины.

Еще более разителен современный контраст: сейчас

Ласпи — это глухое лесное урочище, а Байдарская долина с обширным водохранилищем, возделанными полями, асфальтированным шоссе, многочисленными современными селами — шумна и суетлива. Это подчеркивает присущее только Ласпи особое очарование покоя и задумчивости.

Пройдите не спеша по урочищу в той последовательности, в какой здесь описаны его средневековые памятники. Вы не раз остановитесь в лесу у обомшелых развалин, здесь поднимите кусок черепицы, иногда с клеймом в виде греческой буквы или примитивного изображения птицы, зверя, там — обломок огромного пифоса, амфоры, плоскодонного кувшина, на котором сохранился отпечаток пальцев слепившего его гончара. Глубокое раздумье невольно овладеет вами. Сравнивая одни памятники с другими, вы, словно перелистывая страницу за страницей, проследите, как жили тут люди на всех этапах средневековья.

Но чтобы лучше понять это, необходимо окинуть взглядом всю картину жизни деревни средневекового Крыма. Многоотраслевое сельское хозяйство явится как бы первым планом этого полотна.

ХЛЕБОПАШЕСТВО

Одной из основных отраслей сельского хозяйства было выращивание злаков. Так, в пещерном поселении на Басмане были найдены обуглившиеся зерна пшеницы, в Эски-Кермене в пифосах, датированных XIII в., оказалось просо. Рубленая пшеничная и ячменная солома обнаружена в штукатурках средневековых построек того же Эски-Кермена и других поселений. Отпечатки стеблей, колосьев различных злаков остались на средневековых саманных кирпичиках.

Для пахоты употреблялся плуг (его изображение было найдено на средневековом надгробном памятнике в Ласпи). Даже в конце XVIII в. в Крыму еще употреблялось это примитивное орудие пахоты. В него впрягали от двух до четырех пар волов.

Поля унаваживали раз в 3—4 года. В первый год на одном и том же участке сеяли просо, во второй — пшеницу, в третий — ячмень. Затем землю оставляли отдыхать. Семена при посеве разбрасывались вручную. Их заволакивали бороной, чаще всего сделанной из длинных колючих ветвей, сбитых между собой поперечинами. Сверху для тяжести накладывали камни.

Зерновые убирали серпами (их не раз находили при археологических раскопках). Убранный хлеб обмолачивали лошадьми. Для этого на высоком и открытом месте очищали довольно широкий круг, выравнивали, утрамбовывали его, поливая водой и вдавливая в размокшую землю мелкую солому. В середине круга вкапывали столб. Как только земля немного просыхала, площадку окончательно утаптывали

лошадьми. Затем укладывали развязанные снопы и начинали гонять лошадей вокруг столба на длинной веревке то в одну, то в другую сторону, пока зерно не вымолачивалось. Солому, почти порубленную, давали на корм скоту зимой, использовали в строительстве и для других целей. На току для просушки зерна и отвеивания мякины применяли деревянные лопаты. Просеивали зерно через кожаные решета, а хранили его в ямах, вырубленных в скале или вырытых в грунте, обмазанных глиной и обожженных. Этот способ хранения зерна, как и молотба, находит прямую аналогию в античности.

Для хранения зерна применялись также пифосы, которые обычно вкапывали в землю, а сверху накрывали каменными или керамическими крышками. Иногда эти сосуды достигали весьма крупных размеров: под горой Ай-Тодор близ Алушты при раскопках были найдены пифосы высотой около двух метров.

Зерно мололи на ручных мельницах из двух каменных жерновов. Пшеничная крупа и пшено готовились в каменных и деревянных ступах. Просеивали муку через сито, сплетенное из сухожилий или конского волоса. В «Уставе Кафы» говорится, что один из сортов хлеба выпекался из смеси пшеничной и овсяной муки с ячменными отрубями.

Из технических культур сеяли только лен.

САДОВОДСТВО И СБОР ДИКОРАСТУЩИХ ПЛОДОВ

Природные условия Крыма способствовали развитию садоводства и огородничества. Сады тянулись вдоль горных речек и ручьев. Плодовые деревья и овощи регулярно поливали при помощи целой системы канав.

Везде, где водоносные слои находились близко от поверхности, рыли колодцы. В горные селения вода доставлялась по водопроводам из керамических труб или каменных плит. Интересен водопровод из гончарных, хорошо обожженных труб с перепадным колодцем в с. Предущельном (б. Кош-Дегермен) Бахчисарайского района. Его трубы залегали на глубине 0,5 м от поверхности. Длина такой трубы — 0,45 м, наименьший диаметр — 8 см. Стыки их скреплялись известковым раствором, смешанным с толченым кирпичом. Для ответвления водопроводов и очистки воды служили высеченные из камня резервуары. Иногда их делали из каменных плит, щели между которыми промазывали таким же раствором.

Средневековые водопроводы обнаружены в Биюк-Сюйрене, Юртлуке, Нижней Фоти-Сала, в поселении к северу от Каламиты, в Майруме и многих других местах Крыма.

Террасирование горных склонов получило в период средневековья большое распространение. Подпорные стены террас не только создавали более благоприятные условия для обработки почвы, но и удерживали ее от сползания и смыва.

Многие плодовые деревья росли в чаирах — на больших лесных вырубках, используемых под поля и огороды. Нередко чаиры представляли собой своеобразные сады, привитые на дикорастущих подвоях. Здесь же иногда пасли и скот. Остатки больших чаиров и следы поселений археологи находят в ныне заросших лесом верховьях рек Качи, Бельбека, Черной и других.

Сады и поля огораживали каменными заборами, сложенными из бута насухо или колючими живыми изгородями из терновника и ажины. В горном Крыму были распространены разнообразные сорта груш, яблок и слив. В садах росли также вишня, айва, персик, абрикос, миндаль, желтая и красная черешня, крупноплодная рябина, кизил, шелковица белого и черного сортов, грецкий орех, культурный орешник-фундук. Немало было мушмулы, ее прививали на айвовых деревьях, чтобы получать более крупные плоды. Повсюду в лесах горного Крыма можно встретить одичалое потомство этих некогда культурных растений. Эти деревья служат верным признаком того, что где-то рядом есть остатки средневековых поселений.

В хозяйстве средневекового Крыма виноградарство и виноделие,

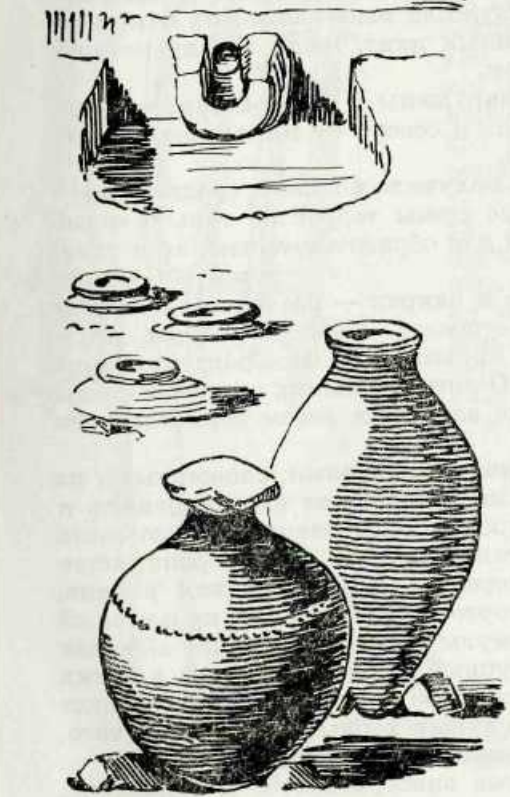

унаследованные от античности, играли огромную роль. Их следы мы находим в долинах всех крымских рек, на побережье и южных склонах гор, обращенных к морю.

Закладку виноградника производили следующим образом. Плугом проводили глубокие борозды. В них делали углубления кольями из очень крепкого дерева или железными ломками. В углубления сажали чубуки с пятью-шестью глазками, оставляя над землей два глазка, засыпали их хорошей землей и заливали водой. Смотря по погоде, черенки поливались каждые три-четыре недели с осени, пока они не приживались. На следующий год землю на винограднике перекапывали и проводили канавки для полива. Разводили виноград и при помощи отводков.

В виноградарстве широко применялась прививка — она позволяла быстро размножить лучшие сорта и улучшать плохие.

После сбора винограда боль-

шая часть урожая поступала в давилни — тарапаны. В горах многие давилни вырубались в материковой скале или в больших камнях, отделившихся от скального массива. Как правило, такая давилня состояла из четырехугольной площадки для раздавливания ягод и резервуара для слива сока. Виноградный сок выдавливали сначала ногами, а затем под прессом — при помощи рычага с грузом. Возможно, что эти же давилни применялись и для получения фруктовых соков.

На вино шел не весь виноград. Часть его вялили на солнце и сушили в печах. Кроме того, из виноградного сока варили сироп, подобный античному «дефрутуму».

Виноградное сусло сливали в пифосы или вырубленные в скале ямы, обмазанные цемянковой штукатуркой. Выжимки помещали бродить в хорошо закрытые сосуды или в обмазанные глиной ямы. Вино бродило, а иногда и хранилось в пифосах, затем разливалось в просмоленные амфоры. Для домашнего хранения вина и его перевоза применяли двуручные круглодонные амфоры; для более мелкого разлива служили одноручные плоскодонные кувшины. Обломки тех и других в изобилии встречаются на всех средневековых поселениях Крыма. Подобные кувшины, как и амфоры, часто изнутри покрывали смолой — прием, находящий многочисленные аналогии в античном виноделии.

Тарапаны во многих случаях имели явно промышленные масштабы, что говорит о большом экономическом значении виноградарства и виноделия в жизни средневекового Крыма. В настоящее время в юго-западном предгорье известно 13 местонахождений тарапанов.

Живыми памятниками средневекового садоводства являются тысячелетние ореховые деревья у с. Улу-Узень (ныне с Генеральское), вековые деревья на Басмане и в других местах. Они хранят следы неоднократных прививок на стволах и ветвях. Кроме того, в лесах Крыма найдены и виноградные лозы, возраст которых насчитывает столетия. На тех местах, где они произрастают, археологи, как правило, обнаруживают развалины раннесредневековых поселений и следы виноделия.

Из огородных культур в средневековом Крыму выращивались огурцы, капуста, лук, чеснок, различная зелень. «Устав Кафы» сообщает их перечень.

Пчеловодство зародилось в Крыму еще в античное время и продолжалось в средние века. Известно, что венецианские купцы в 1237 г. выменивали на различные товары воск. «Устав Кафы» тоже свидетельствует, что население средневекового Крыма занималось пчеловодством. Крымский воск высоко ценили генуэзцы, вывозившие его в Италию.

Роль примитивных ульев играли выдолбленные изнутри обрубки древесных стволов и конусовидные корзины, сплетенные из тонких прутьев и обмазанные глиной. Для того чтобы взять мед, пчел окуривали дымом, и они погибали. Подобное «пчеловодство» немногим отличалось от бортничества — грабежа диких пчел, гнездившихся в дуплах деревьев или в естественных отверстиях скал.

Наряду с чаирным садоводством и бортничеством в средневековой деревне процветали и другие лесные промыслы: сбор дикорастущего хмеля, плодов шиповника, барбариса, ежевики, клубники, кизила, черешни, терна, дикой груши, яблони-кислицы, крупноплодной рябины. Отвар кизила считался наилучшим средством от всех болезней. Лечебное свойство приписывалось и рябине. Из диких плодов варили густой фруктовый сироп и делали различные напитки.

Основную массу плодов, как диких, так и культурных, вялили под специальными навесами или на скалах и кровлях жилищ. Груши и сливы подвергали копчению, для этого в чаирах или просто на лесных полянах устраивали специальные печи — коптильни. На Бойке сохранились развалины подобных печей, прямо на них выросли деревья, насчитывающие не одну сотню лет. Неподалеку имеются остатки средневековых полуземлянок с культурным слоем. По-видимому, население окрестных деревень в сезон созревания плодов временно переселялось в чаиры — к местам их сбора и сенокосов. О том же свидетельствуют и генуэзские документы. По находкам средневековой посуды эти временные поселения датируются XII—XV вв.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Письменных сведений о средневековом животноводстве в Крыму очень мало, а обильный остеологический материал, обнаруженный при раскопках, до сих пор не полностью обработан.

В 1237 г. венецианские купцы обменивали свои товары на кожи. «Устав Кафы» упоминает волон, коз, баранов, лошадей, свиней.

Быки были обычным рабочим скотом, тягловой силой, применявшейся на пахоте, при перевозках сельскохозяйственных грузов, дров, строевого леса и пр. Для перевозок употреблялись двухколесные повозки — арбы (особенно целесообразные в условиях горного Крыма) и четырехколесные мажары.

При изготовлении колесных осей и спиц использовались ясень, вяз и молодая древесина дуба и граба. О запряжках волон сообщает одна из средневековых надписей Мангупа.

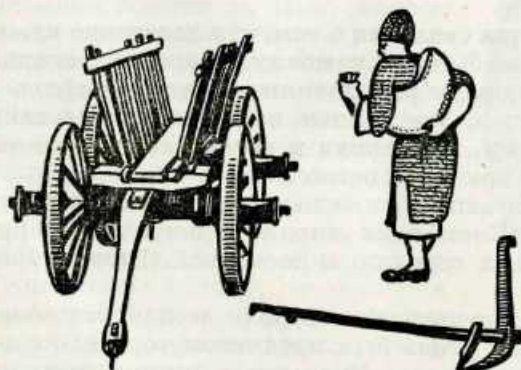
Коровы местных пород (судя по найденным археологами костям) отличались малым ростом; их еще недавно существовавшее в горном Крыму потомство славилось высокой жирностью молока. Крупный скот пасся на лесных полянах, а овцы и козы в летнее время выгоня-

лись на нагорные пастбища. Там же строились пастушьи хижины и загоны.

Осенью стада пригонялись на зимовье в долины или на южные склоны гор, где они паслись до самой весны.

Главную роль в средневековом животноводстве горного Крыма играли овцы и козы. Из их молока изготавливали различные сыры и другие продукты. В обиходе преобладали дмотканые шерстяные ткани и вязанье. Типы шерстяных тканей, их окраска, узоры, а также связанные из шерстяной пряжи вещи были весьма разнообразны и отражали многоэтничность культуры местного населения.

О методах обработки продуктов животноводства в средневековом Крыму известно мало. Мясо, по-видимому, заготавливали двумя способами — засолкой и вялением. То и другое делалось не только для своих нужд, но и на сбыт городскому населению. Для хранения съестных припасов служили холодные пещеры или глубокие гроты. В подобных естественных погребках хранились и молочные продукты.

ПОДСОБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ДОМАШНЕЕ РЕМЕСЛО

Ремесла средневекового Крыма изучены мало. При раскопках ранне-средневековых могильников юго-западного предгорья обнаружено много византийских вещей, попавших сюда и через Херсон, и из ремесленных мастерских самого Херсона. Однако многие изделия производились и на местах.

Кожевенное ремесло, вероятно, было развито скорее в городах, например, в Феодоро (Мангуп), где известна мастерская с каменными чанами для дубления кож — в овраге Табана-Дере (кожевенный овраг). В горах собирался желтинник для дубления сафьяна. По-видимому, деревня поставляла городским ремесленникам, а также местным и иноземным купцам первично обработанные шкуры. Дальнейшая обработка их требовала сложной технологии и осуществлялась в торгово-ремесленных центрах. Об этом можно судить по немногочисленным археологическим находкам кожаных вещей (например, по остаткам кожаной обуви из раскопок Баклинского могильника). В Кизил-Кобе найден кусок обивки кожаного седла. На хорошо выдубленной коже был орнамент, рисунок которого сохранился благодаря мелким игольным проколам от исчезнувшего шитья. Этот узор находит близкие аналогии в юго-западном Крыму, например, в отделке сбруи, седел, чепраков и щитов, нарисованных на фреске Трех всадников в одноименном храме Эски-Кермена (XII—XIII вв.).

Кожаные вещи (пояса, обувь и т. п.) того же типа, что и в Крыму, найдены на Северном Кавказе, в частности, при раскопках Змеевского могильника (XII в.).

Значительным подспорьем в хозяйстве средневековой деревни была ловля рыбы в горных реках (где до недавнего времени изобиловала форель). Рыболовные крючки обнаружены в Эски-Кермене и в пещерном поселении на Басмане.

В «Уставе Кафы» приводятся сведения о том, что население крымского побережья ловило устриц, бычков, камбалу, смаридию, скарпену, голею, скумбрию. Мелкие породы рыб ловили неводами, кефаль — сетью. Промышляли и дельфинов. Эти данные подтверждаются такими археологическими находками, как чешуя и кости рыб, раковины, грузила для сетей, рыболовные крючки и остроги.

Население деревень, прилегавших к лесным районам, охотилось на косуль, оленей, зайцев, лис. Кости этих животных встречаются при раскопках многих средневековых городищ и поселений (Гаспра, Ени-Сала и др.).

В хозяйстве деревни играл существенную роль лесной углеобжигательный промысел. Древесный уголь был предметом торговли с городом, применялся в кузнечном деле. Кузнечные инструменты не-

редко встречаются при археологических раскопках, а на одном из средневековых надгробий имеется изображение наковальни.

Сильно задренованные следы углеобжигания в виде больших ям, заполненных мелким углем, а затем заплывших, часто встречаются в крымских лесах. При археологических разведках на Бойке было обнаружено, что некоторые из угольных ям заросли могучими дубами, которым более 500 лет. Тут же, на Бойке, возле большого храма и поселения близ дороги открыты следы кузнечно-литейной мастерской — остатки горна, слитки железа, уголь, шлак. Подобные находки известны и в других местах.

Среди деревенских ремесел выделялось плотничество. Основными орудиями труда были топоры — двулезвийный и однолезвийный, изображения их встречаются на надгробиях.

В самой примитивной форме керамическое производство практиковалось и в домашних условиях. Им занимались преимущественно женщины. При раскопках средневековых поселений найдены разнообразные лепные сосуды, весьма примитивно сделанные и плохо обожженные (вероятно, в той же печи, в какой выпекали хлеб и варили щицу). При некоторых поселениях (например, Ласпи) имелись настоящие горновые печи, обжигавшие гончарную посуду, черепицу и плоский кирпич — плинфу для нужд своей деревни, быть может, и на продажу.

Обнаружены археологические следы прядения, вязания и ткачества. Известно множество глиняных пряслиц, примитивные веретена в виде волчка, чесалки и гребни для шерсти, простейшие домашние ткацкие станки. На одном из надгробий из д. Шурю имеется условное изображение детали ткацкого станка, а на надгробии из д. Бия-Сала изображены ножницы и линейка. Все это свидетельствует о деревенском портняжном ремесле.

АРХИТЕКТУРА ЖИЛИЩ И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ

В Крыму до сих пор не раскопана целиком ни одна средневековая сельскохозяйственная усадьба. Исследованию подвергались главным образом храмы, отдельные жилые дома, в нескольких случаях хозяйственные постройки. Имеется лишь единственный пример, когда на основании материала археологических раскопок на Эски-Кермене был реконструирован средневековый дом XII—XIII вв., с двором и хозяйственными помещениями. Он был возведен на цоколе, сложенном на глиняном растворе. Стены — каркасные с сырцовым или глинобитным заполнением. Крыша, как и в домах Херсона, покрывалась плоской и желобчатой черепицей. На втором этаже была крытая веранда, характерная для сельских жилищ и в последующее время.

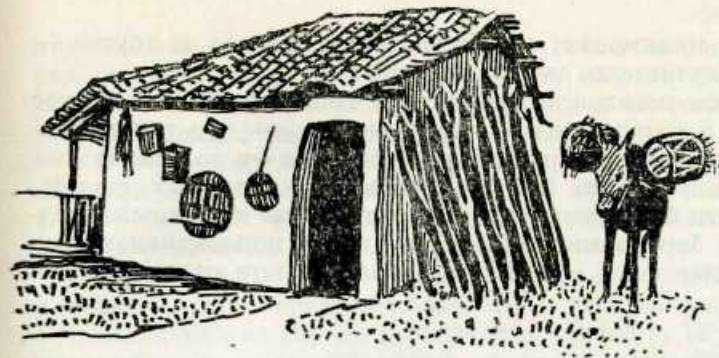
Около таких домов устраивались под открытым небом сводчатые печи для выпечки хлеба и варки пищи преимущественно в теплое время года.

Для построек употребляли местный дикарный камень и различные породы дерева: два вида дуба, граб и бук. Из сосны изготовляли доски. Легкие изгороди сооружали из держидерева, для кольев шел орешник. Часто устраивались живые изгороди из колючих и вьющихся растений.

На архитектуру поселений проливает свет изучение различных типов сельских усадеб, существовавших в деревнях горного Крыма вплоть до Великой Отечественной войны. Это, главным образом, одноэтажные строения из одного или двух помещений с односкатной, часто очень плоской кровлей на наклонных стропилах. В большинстве случаев такие дома были покрыты хворостом, соломой и глиной.

Имелись также одно- или двухэтажные здания с четырехскатной черепичной кровлей по дощатой опалубке с широким выносом концов стропил, обтянутых резными подборами и закрытых снизу дощатой подшивкой. Такие крыши в жаркое время года давали широкую тень на стены и окна.

Как правило, нижний этаж предназначался для хозяйственных нужд, нередко для содержания домашних животных, верхний служил жильем. Одна или несколько комнат такого дома имели двери и окна

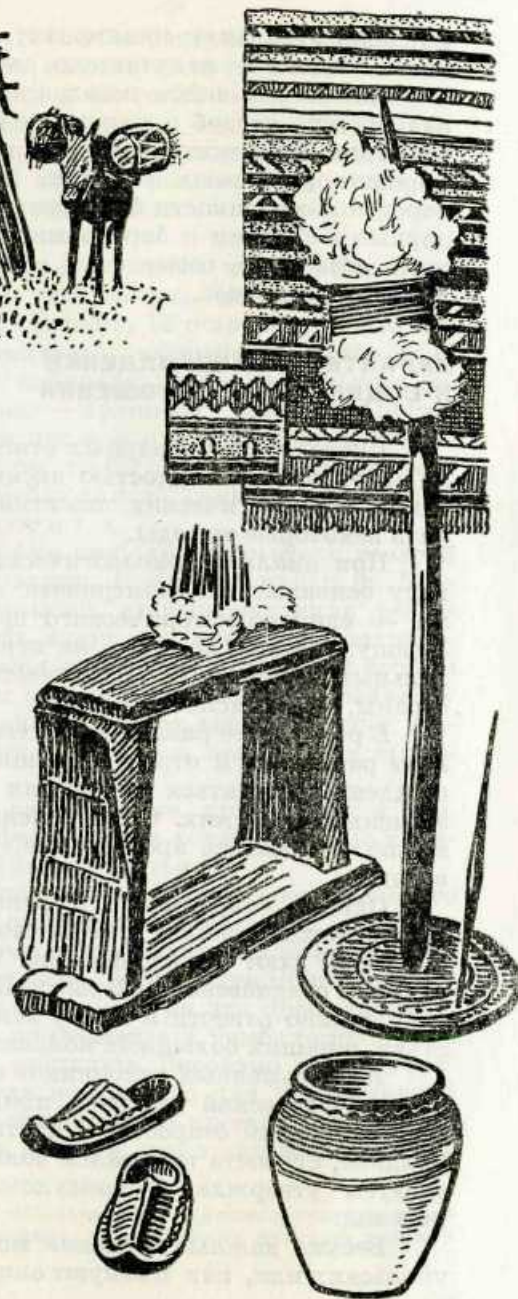

на галерею. Очень редко окна выходили на улицу.

В отношении хозяйственной планировки средневековые усадьбы делятся на два основных вида. Одни стоят непосредственно среди полей и виноградников (например, поселение на склонах горы Исар-Кая близ Гаспры). Другие комплексы жилых и хозяйственных построек удалены от возделываемых земель; они встречаются в горном Крыму так же часто, как и первые. К ним относятся усадьбы таких средневековых поселений, как Бага, Скеля, Ламбат, Артек и т. п.

Первые представляют собой отдельные, как бы разрозненные хозяйства, напоминающие миниатюрные хутора. Поселения, состоящие из таких усадеб, отличаются нерегулярностью, разбросанностью планировки.

Усадьбы второго типа образуют скученные поселения, спланированные наподобие пчелиных сот на террасированных каменистых холмах или крутых горных склонах. Одни из них (чаще приморские) имеют правильную, радиальную

или прямоугольную планировку узких улиц и кварталов, а другие — более поздние — запутанную, словно лабиринт.

Для обоих видов поселений скученного типа характерно тесное размещение усадеб с максимальной экономией земли под постройками. Поля, сады и виноградники находятся в стороне — в долине или на хорошо орошаемых склонах. Многие черты оросительных систем, дорог, а в особенности большие террасы, укрепленные каменными подпорными стенами и барьерами, свидетельствуют о коллективном труде и, возможно, совместном общинном использовании отдельных земельных участков.

ХАРАКТЕР ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Исследование аграрных отношений в средневековом Крыму крайне затрудняется скудостью письменных источников. Однако на основании археологических памятников, освещенных выше, можно сделать некоторые выводы.

При анализе археологических данных следует не выпускать из виду основные закономерности возникновения и развития феодализма — единого исторического процесса, охватившего всю Восточную Европу. Но это, конечно, не исключает и местного своеобразия феодальных отношений, возникавших в конкретных условиях каждой страны, в том числе и в Крыму.

В результате разложения семейной общины и дробления ее земель идет разорение и отрыв от общины ее обнищавших членов. Они вынуждены поселяться на землях феодалов и постепенно попадают в зависимость от них. Одновременно расширяются права феодала на землю и личность крестьянина, увеличиваются размеры феодальных вотчин.

Однако сохранилось и какое-то число относительно свободных общин, находившихся в косвенной зависимости от феодалов. Балканы и Кавказ дают яркие примеры такой двойственности. Она существовала и в средневековом Крыму. В частности, все поселения скученного типа можно отнести к числу земледельческих общин свободных крестьян, живших большими коллективами.

Из письменных источников известно, что в XIV—XV вв. во главе каждой греческой деревни, принадлежавшей генуэзцам, стоял протос — сельский староста. В частности, в деревнях, подведомственных Солдае, староста избирался большинством голосов местных жителей, а затем утверждался консулом. Избирался также письмоводитель деревни.

Весьма важные сведения можно почерпнуть из преданий мариупольских или, как именуют они себя, «крымских греков». Ведь они —

потомки тех выселенных из Крыма в 1778 г. коренных жителей, которые по указу царского правительства обживали пустовавшие земли Приазовья. Они осваивали г. Мариуполь и более 20 деревень (нынешний г. Жданов с окрестностями).

В период средневековья, когда предки их жили в Крыму, большинство земледельческих поселений Крыма подчинялось тимариотам — мелким феодалам, власть которых была, по-видимому, довольно относительной.

Некоторые общины оставались в той или иной мере свободными в течение всего средневековья. Они управлялись демогеронтами — старейшинами из народа (избиралось ежегодно 12 старейшин). Последние выбирали из своей среды председательствующего — своего рода деревенского старосту. Демогеронтов избирали из числа наиболее зажиточных и родовитых членов общины — архонтов¹. Совет старейшин распределял различные подати, в том числе и плату церкви за венчание, похороны, водоосвящение и другие требы; он же решал мелкие споры, руководствуясь обычаями; наблюдал за санитарным состоянием территории общины; опекал сирот и т. д.

Сохранение значительной прослойки свободных крестьян говорит о незавершенности процесса феодализации. В Крыму, как и на Кавказе, в непрерывной борьбе с кочевниками, взаимоотношения феодалов и крестьян могли долго сохранять в той или иной мере патриархальный характер, обусловленный необходимостью совместной борьбы против общего врага. Однако и в этих условиях происходило разложение независимой общины, ее разорение, отрыв от нее неимущих крестьян, которые расселялись на землях феодалов и попадали в крепостную зависимость.

Поселения разбросанного типа, как правило, примыкали к замкам или монастырям, т. е. крупным феодальным хозяйствам. По-видимому, в таких поселениях жили зависимые крестьяне.

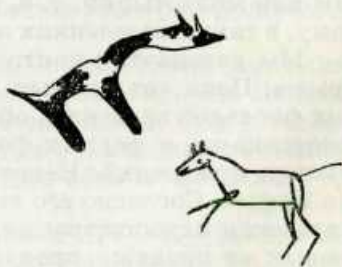
Мы рассказали почти все, что известно о деревне средневекового Крыма. Пока нет прямых данных о собственности светских и церковных феодалов на землю, об их юридической и фактической власти над крестьянами, о формах феодальной ренты, о зарождении товарно-денежных отношений. Некоторый свет проливает на эту проблему «Устав Кафы». Согласно его статьям, на привозимые в Чембало продукты генуэзская администрация налагала пошлины. Вероятно денег, вырученных за продажу продуктов, иногда не хватало для коллективной покупки тех или иных вещей, нужных общине, и крестьяне вынуждены были искать кредита у генуэзских властей, что и нашло отражение

¹ Здесь этот термин (в других случаях обозначавший административную должность) употреблялся в смысле «первенствующий», т. е. наиболее знатный родом и обладающий богатством.

в «Уставе». Весьма знаменательно, что в нем имеется специальный пункт: «О том, чтобы не давать займы общинам Готии». Речь идет о деревне первой половины XV в.

Ясно, что «общины Готии» не входили в генуэзские владения, так как в этом случае генуэзцы, используя свою власть, могли бы принудительно взыскать с них долги. Из самого термина «Готия» явствует, что общины находились на территории Таврики, в то время подчиненной княжеству Феодоро. Ясно также, что они были расположены сравнительно близко от генуэзских владений. Подобное соседство могло иметь место, например, в окрестностях Чембало, где как раз и преобладали (в стороне от замков и монастырей Феодоро) средневековые поселения скученного типа. Таким образом, на основании даже немногих свидетельств можно заключить, что в Крыму в первой половине XV в. свободные деревенские общины постепенно вступали на путь развития товарно-денежных отношений.

В заключение можно сказать, что многоотраслевое сельское хозяйство средневекового Крыма с применяемыми в нем орудиями труда и техникой земледелия стояло на том же уровне, что и в других византийских провинциях. Аграрные отношения в средневековом Крыму развивались так же, как и в других странах, подвластных Византии или испытывавших ее сильное воздействие. Влияние генуэзцев, соприкосновение с другими более развитыми странами Европы лишь ускорило процесс феодализации средневекового Крыма и обострило социальное расслоение его населения.

ВО ВЛАДЕНИЯХ „ГОСПОД ФЕОДОРО“

История Мангупского княжества

дин из скалистых останцев юго-западного Крыма между реками Бельбеком и Черной, где цепи предгорных холмов повышаются и незаметно сливаются с отрогами Главной горной гряды, носит название Мангуп. На плато Мангупа находятся руины большого (еще мало изученного) средневекового города. Некоторые историки полагают (впрочем, без твердых оснований), что в VI—VIII вв. н. э. он носил имя Дорос¹. Судя по письменным источникам и строительным надписям, в XIII—XV вв. этот город

¹ Они видят в этом подтверждение догадки о местоположении страны Дори в юго-западном предгорье. На поверку же выясняется, что единственным аргументом в пользу локализации и Дори, и Дороса на месте Феодоро является лишь созвучие этих трех названий.

именовался Феодоро. Величина и относительное архитектурное величие его построек говорят о том, что он действительно мог быть столицей одноименного феодального княжества. С XV в. ряд русских, восточных и западноевропейских источников называет это место, как и в наши дни, Мангупом. Правители княжества именовались в генуэзских документах «господами Феодоро», а в русских — мангупскими князьями (в последних и само княжество тоже зовется Мангупским). Напомним, что территорию, которую оно занимало, средневековые источники часто называют «Готией». Мы будем придерживаться в основном русских источников.

ГОРОД ФЕОДОРО

Мангуп был не только крупным городским центром, но и первоклассной крепостью. Природные условия делали плато скалистой горы труднодоступным. С севера, где на плато можно подняться по трем крутым оврагам, город был защищен высокими стенами, усиленными многочисленными башнями. Часть этих сооружений хорошо сохранилась до настоящего времени.

Путь на Мангуп идет по цветущей Каралезской долине через сады и села Красный Мак (б. Биюк-Каралез) и Залесное. К югу, в километре от с. Залесного, открывается ущелье Джин-Дере. Мангуп выступает над ним четырьмя величественными скалистыми отрогами. Высота горы над уровнем моря более 500 м, а над окружающими долинами — около 200; высота скалистых обрывов достигает 40 м.

Одна из дорог на плато в свое время шла от подножия отрога Гелли-Бурун и выходила по балке Табана-Дере на плоскогорье. Ныне эта дорога местами размыта или заросла лесом.

Тропа, по которой можно подняться пешком, идет по оврагу Гамам-Дере. Этой тропой чаще всего пользуются туристы, тогда как другой, более длинный, путь по южным склонам Мангупа служит для подъема на автомашинах или лошадях.

Наиболее интересна и живописна древняя дорога с восточной стороны горы. Чтобы попасть на нее, нужно свернуть с шоссе в ущелье Джин-Дере и обойти Мангуп, оставив его справа. Дорога пойдет на юг до перевала, где нужно резко свернуть на правое ее ответвление. Вскоре откроется широкий вид на долину и горы к северу и востоку от Мангупа. Впереди постепенно вырастут восточные обрывы мыса Тешкли-Бурун с пещерами. На его краю видны уцелевшие постройки крепости. От Тешкли-Буруна до разрушенных ворот Мангупа средневековая дорога сохранила на всем протяжении крепиду из крупных камней.

Возле остатков ворот мы найдем наиболее раннюю кладку оборонительной стены, сложенной из хорошо отесанных квадров — круп-

ных прямоугольных каменных блоков. Выше ворот можно взойти по левой тропе на плато.

На Мангупе были найдены монеты и обломки гончарной посуды первых веков нашей эры. Возможно, что это следы одного из убежищ того земледельческого населения позднескифского государства, которое под ударами готов и гуннов вынуждено было покинуть степи и долины в поисках места, менее доступного для кочевников. В конце V—VI вв. н. э. на мысе Тешкли-Бурун, по-видимому, было небольшое укрепление. После гибели в VIII—IX вв. оборонительных сооружений Эски-Кермена, являвшегося главным центром юго-западного предгорья, ту же роль стал играть Мангуп. Поэтому около небольшого замка постепенно возникает укрепленный город, растут оборонительные стены и башни. Они и теперь возвышаются к западу от главных ворот, образуя кольцо, запиравшее северные и западные подступы к Мангупу по балкам Капу-Дере (овраг, в котором ворота), Гамам-Дере и Табана-Дере. С юга город защищали вертикальные обрывы, где в многих труднодоступных местах также были построены стены и башни.

Осматривать Мангуп надо с изрезанного искусственными пещерами восточного мыса Тешкли-Бурун (Дырявый мыс), где хорошо сохранилась оборонительная стена цитадели с воротами и руинами большого двухэтажного здания. Эти постройки отгораживают мыс от остальной части города. Они возведены не ранее X в. Об этом говорят оставшиеся на скале следы большой одноабсидной церкви возле самой оборонительной стены у обрыва. Церковь скорее всего располагалась внутри первоначального укрепления, а если учесть обнаруженные южнее в 40 м от нее раннесредневековые склепы (кладбище, как всегда, находилось вне населенного пункта), станет ясно, что ранняя, уничтоженная при перестройке, стена могла стоять где-то впереди той, которая дошла до наших дней.

На восточном мысу находилась цитадель Мангупа, построенная раньше города — в V—VI вв. В X в. она была перестроена, а в конце XV или в XVI в. использована турками, внесшими ряд изменений и усовершенствований. К X в. относятся оборонительная стена цитадели с воротами и большая башня — донжон. Ее верхний этаж служил жильем, а нижний мог являться арсеналом и складом. Она недостаточно изучена, и ее строительная периодизация пока не ясна.

Разителен контраст между внешней и внутренней сторонами башни. Наружный фасад (нижний этаж его лишен окон) наверху имеет узкие смотровые окна-бойницы, придающие зданию вид неприступного укрепления, каковым оно и являлось. Приветливый внутренний фасад на обоих этажах имеет широкие окна, украшенные роскошными резными наличниками, и парадный вход посередине. С этой стороны постройка носит ярко выраженный дворцовый характер. По-

местоположению, по роскоши наружной отделки и комфортабельности помещений это здание может претендовать на роль княжеской резиденции с большим правом, чем так называемый дворец (описанный ниже богатый дом) в одном из городских кварталов. Вероятно, цитадель Мангупа, которая сначала могла быть родовым укреплением местного князька, со временем получила значение городского кремля. Именно здесь с наибольшей вероятностью нужно искать жилище правителей Мангупского княжества.

Пройдя через ворота цитадели в самый конец мыса, мы увидим целый комплекс искусственных пещер, а перед ним — остатки большого помещения, наполовину вырубленного в скале. Это — казарма, а под нею в толще известняковой скалы — тюрьма с одиночными камерами, комнатой для стражи, местом допросов и пыток. Над тюрьмой, на каменной площадке мыса, стояла дозорная башня, следы которой ясно видны.

Возвращаясь обратно вдоль восточного края Тешкли-Буруна, можно осмотреть многочисленные искусственные пещеры, связанные между собой. Это остатки пещерных казематов, которые защищали восточные и южные подступы к Мангупу. Посреди комплекса казематов имеется вырубленная в скале церковь.

Неподалеку от ворот, посреди цитадели, видны остатки октагона — небольшой восьмигранной церкви с алтарем, по-видимому, княжеской капеллы. От октагона сохранились крупные хорошо обработанные камни нижнего ряда кладки. Ясно обозначается план всего здания с вырубленным в скале основанием. Этот памятник датируется временем около VIII в.

С самой высокой точки плато мы увидим остатки большой давилки для винограда. С бугра открывается вид чуть ли не на все Мангупское княжество. На юге — панорама Главной гряды Крымских гор. Слева видны все пять вершин массива Бойки — «почтенной Пойки», как гласит одна из мангупских надписей. Правее — Седам-Кая со скалистыми отрогами Сююрю-Кая и Сандык-Кая, на которых, как и на Бойке, есть остатки феодальных укреплений, подчинявшихся мангупскому князю. Левее Бойки вырисовывается силуэт Басмана с замком Кермен-Кая, а между ним и Бойкой, под горой Оксек, в районе сел Счастливое и Многоречье, — два дозорных укрепления на скалах Яманташ и Кипиа. К западу от Мангупа сверкает море возле Каламиты и устья р. Черной, левее виден силуэт большой башни генуэзской крепости Чембало. Ближе к Мангупу выглядывает из-за холмов Эски-Кермен. К северу тянутся холмы предгорья, а за ними в дымке горизонта тонут степи. Среди холмов справа выступают скалы у р. Качи с поселениями Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Бурун-Кая. Видны Кырк-Ер (Чуфут-Кале) и другие укрепления. На востоке Чатыр-Даг и Демерджи отмечают отдаленные земли, которые были предметом

вечных раздоров феодоритов с генуэзцами. За горами у моря лежат невидимые отсюда Алустон, Партенит, Горзувиты, Панае...

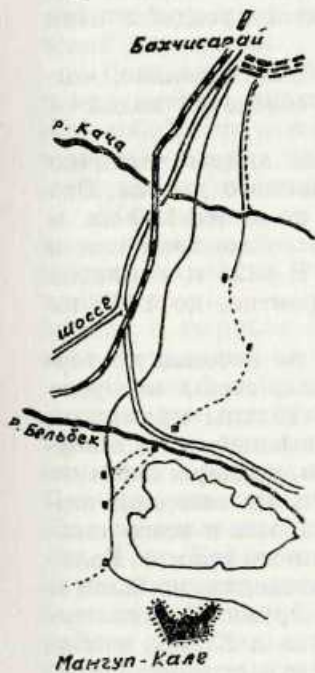
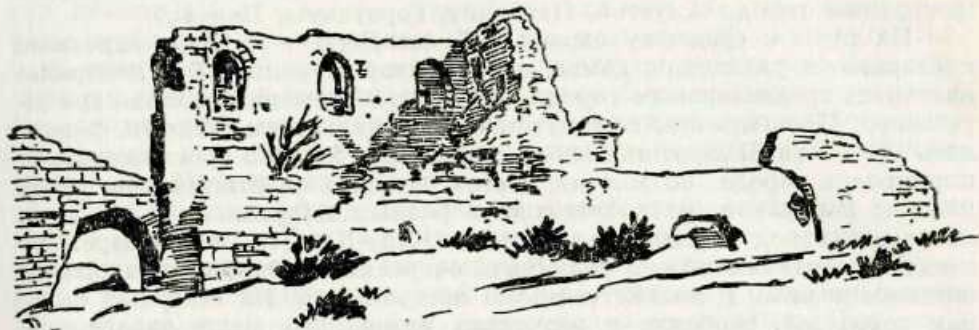
На пути к среднему оврагу — Гамам-Дере — заметны заросшие кустарником развалины домов, ограды дворов, улицы. Это центральная часть средневекового города, для своего времени довольно значительного. Площадь его, замкнутая оборонительными стенами, равнялась 15—16 га. В заросших лесом развалинах хорошо прослеживается планировка города. Во многих местах заметны очертания площадей, улиц и переулков, расходящихся в разных направлениях от двух въездов в город с севера по оврагам Капу-Дере и Табана-Дере. Во многих кварталах можно различить очертания усадеб с их дворами, жилыми домами и хозяйственными постройками. На северных склонах городища, особенно в верховьях названного выше оврага, где находится источник хорошей питьевой воды, городские усадьбы были расположены террасами.

В районе оврага Гамам-Дере (Баный овраг), действительно, могла находиться городская баня. Город был хорошо обеспечен водой — на его территории и сейчас имеются два родника.

На западном краю густо застроенного района видны частично раскопанные остатки большого здания, так называемого дворца. Это каменное двухэтажное здание занимало площадь не менее 120 кв. м и было построено, вероятно, в XIV в. В конце этого же века или в начале следующего оно было разрушено пожаром. В 1425 г. его вновь отстроили. Здание существовало непрерывно, вероятно, до 1475 г., когда было разрушено окончательно.

Широкая каменная лестница этого дома вела на небольшую террасу, откуда можно было попасть в парадный зал, стены которого были украшены фресками, а наличники входов отделаны мрамором. Внизу находились служебные и хозяйственные помещения. С северной стороны терраса переходила в длинную галерею, поддерживаемую двумя рядами колонн. Галерея приводила к башне на северной стороне постройки. Большая часть обитателей Мангупа, как и всего населения княжества, была христианами. Тут имелось много храмов. Большинство из них построено из камня и стояло на площадях, но были и вырубленные в скале пещерные церкви. Наиболее крупная из каменных церквей, предполагаемая базилика Константина и Елены, считалась, наверное, главной. Она находилась неподалеку от описанного выше дома к северо-западу от него. Этот храм несколько раз горел и восстанавливался. Последнее его восстановление относят к концу XIV — началу XV в. Датировка этого здания до сих пор вызывает споры среди археологов. Одни считают, что она построена в VI в., другие полагают, что она возведена гораздо позднее.

Вероятно, в Мангупе, как и в других средневековых городах, были ремесленные кварталы. На эту мысль наводит, например, название

оврага Табана-Дере (Кожевенный овраг). В его верховьях и сейчас видны высеченные в скале глубокие чаны для обработки кожи.

В верховьях Табана-Дере находились вторые городские ворота Мангупа, а недалеко от них с юго-западной стороны была караимская кенаса и кладбище. В низовьях оврага есть еще одна оборонительная стена, как полагают, XVI—XVII вв. Построена она была, по-видимому, караимами, вероятными потомками хазар.

Наиболее интересная из сохранившихся пещерных церквей находится в большом монастыре, расположенном на юго-восточном обрыве Мангупа, недалеко от главной дороги к городу. В ней сохранились остатки фресок XIV—XV вв.

Чтобы осмотреть монастырь, надо разыскать в юго-восточной части плато кругую тропу. Спустившись под южный обрыв скалы, следует свернуть вправо и пройти вдоль подошвы скал около 100 м. В одной из естественных пещер вырублена в скале лестница,

которая ведет в широко открытый к югу верхний грот (тоже естественный), из него можно попасть в церковь, вырубленную в скале. Напротив нее расположены высеченные в толще обрыва кельи и хозяйственные помещения. От монастыря можно спуститься по узкой тропе на дорогу, которая обходит Мангуп с западной стороны и приводит в села Залесное и Красный Мак. Можно вернуться обратно на

ту дорогу, по которой был сделан подъем на Мангуп, или спуститься туристской тропой по оврагу Гамам-Дере. В его верховье (внутри города) есть источник питьевой воды.

ФЕОДОРО — КНЯЖЕСТВО

Феодальные города юго-западного Крыма, где сосредоточивались ремесленное производство и торговля, являлись в то же время церковными центрами. Есть основания считать, что в Мангуп был перенесен из Партенита центр так называемой Готской епархии. Сведения о ней сохранились в церковных документах, дошедших от средневековья, и по ним мы можем судить о территории княжества. Его границы не были стабильными. В течение рассматриваемого нами времени они колебались по мере того, как видоизменялась экономическая и политическая зависимость княжества от тех или иных соседних и даже отдаленных государств.

В XIII и начале XIV в. владения княжества, по-видимому, охватывали все северные склоны западной части Крымских гор до левого берега р. Качи на севере. С востока в его границы входили верховья Качи и Альмы. Здесь, как уже говорилось, некоторое время соседом Мангупа было княжество Кырк-Ер. На юге Мангупу принадлежало (более или менее прочно) все побережье от Алушты до Балаклавы, попавшей в руки генуэзцев. На западе, где княжество граничило с предполагаемыми землями Херсона, находились полузависимые от Мангупа «общины Готии», расположенные вокруг Балаклавы и в Байдарской долине. Со второй половины XIV в. и эта территория, видимо, каким-то образом вошла в состав Мангупского княжества, о чем косвенно свидетельствует булла папы Иоанна XXII (1333 г.), передающая церковную власть над нею митрополиту «Готии».

После захвата татарами Чуфут-Кале северо-восточной границей княжества становится левый берег Качи. К концу XIV в. оно теряет часть земель на южном побережье, номинально в него входивших, но «уступленных» хозяевами положения — татарами — генуэзцам по договору 1380—1381 гг. В середине же XV в., судя по генуэзским письменным источникам, Алушта подчиняется мангупским феодалам и западнее нее весь южный берег, кроме Балаклавы, принадлежит Феодоро. В то же время целый ряд прибрежных крепостей остается в руках генуэзцев.

Вопрос о времени возникновения Мангупского княжества и этапах его формирования еще не вполне выяснен. Надо полагать, что оно уже существовало до татарского нашествия. О существовании княжества в XIII в. свидетельствуют надписи, связанные со строительством крепостных стен на Мангупе. К концу XIV в. относится упоминание о мангупском князе Дмитриии, воевавшем против литовцев на стороне

татар вместе с соседним князем «Киркельским» (видимо, главой княжества Кырк-Ер с центром в Чуфут-Кале). Это известие позволяет предполагать, что Мангупское княжество в годы татарских нашествий сумело сохранить свою внутреннюю целостность и, быть может, ограничиться признанием власти ханов над соседней территорией и уплатой им дани.

XV век — до момента гибели княжества в 1475 г. — является временем его наибольшего политического и экономического подъема. Этот период освещен некоторыми письменными источниками.

Территория Мангупского княжества была заселена сравнительно густо. Об этническом составе его населения данных мало, однако, как уже было сказано, можно признать, что оно было многоэтническим и в основном состояло из огреченных сарматов и аланов, ранее смешанных с потомками тавров, скифов, а потом и прочих народностей, попадавших на территорию полуострова. Больше всего тут жило греков, за ними по численности шли караимы, армяне и принявшие православие татары.

На Мангупе развивались городские ремесла, в основном гончарное. О его высоком уровне можно судить по найденным обломкам поливной посуды, среди которых особенно интересны фрагменты двух чашек с вырезанным на их доньях именем Исаака, возможно, мангупского князя (1471—1474 гг.), известного по письменным источникам. Керамическое производство было достаточно развито на всей территории княжества. Об этом говорят многочисленные обломки и целые экземпляры разнообразной красноглиняной посуды и огромных пифосов, найденные не только на самом Мангупе, но и собранные на остатках соседних поселений XIV—XV вв. Они не могли быть привезены из Херсона, так как он в то время уже перестал представлять собой ремесленный и торговый центр. В большинстве случаев это изделия местных гончаров.

Раскопки дают разнообразные железные вещи — наконечники стрел, поясные пряжки, ножи, крючки, гвозди. Все это также изделия местных кузнецов. Найденны на Мангупе бронзовое литье и кованые вещи из меди, а также ряд предметов из кости — украшения ларцев, коробочки, пуговицы, резные накладки на ручки ножей и т. д.

Значительное развитие строительного и камнерезного дела отражено в крепостных сооружениях XIV—XV вв., жилых домах и надгробных памятниках, которые украшались особенно сложной орнаментальной резьбой.

Экономический подъем княжества в XIV—XV вв. вызвал рост его внутренней и внешней торговли. Оттесненное от южнобережных портов генуэзцами, стремившимися подчинить себе всю торговлю на Черном море, оно находит силу создать собственный порт в устье р. Черной. Для защиты его в 1427 г. перестраивается крепость Кала-

мита (Инкерман). Археологические раскопки слободы около крепости (1950 г.) дают представление о значительности торговых операций Каламитского порта. На территории слободы обнаружено много зерновых ям, большое количество обломков разнообразной посуды, привезенной из Малой Азии, Закавказья, с Кавказа и из других мест. О том же говорят и раскопки на Мангупе.

Известно, что через Каламиту вывозилось значительное количество татарской кочевнической продукции (скот, кожи, шерсть и др.). Не гнушались в Каламите торговать и невольниками, захваченными татарами во время набегов на Украину, Русь, Польшу, Литву. С XV в. невольников сбывали главным образом в Турцию. Каламита обозначена на морских картах XV в.

После угасания Херсонеса Каламита стала главным портом для предгорных районов юго-западной части Крыма. Старый торговый путь из степей в Херсонес теперь заканчивался возле нее. Внутренние торговые пути Мангупского княжества проходили к ней по речным долинам. В то же время горные перевалы из Байдарской долины в Ласпи, перевал Кебит-Богаз, приводивший в район Алушты, и другие соединяли северную часть княжества с южным побережьем.

На Мангупе найдены надписи, высеченные на камне. Большинство из них относится к XIV—XV вв. Они говорят о военных столкновениях обитателей города с нападавшими на них кочевниками, о

крепостном строительстве. Надписи сделаны на греческом языке, в то время преобладавшем в юго-западном Крыму и на побережье полуострова.

История мангупского княжеского дома еще далеко не изучена. Ф. А. Брун полагал, что владетелями Мангупа были выходцы из Трапезунда — представители знатного армянского рода Гаврасов, находившихся в Крыму с XII в. в качестве византийских топархов — наместников. В дальнейшем они основали в юго-западном районе полуострова самостоятельное феодальное княжество¹. Можно предположить и другое: князья Мангупа могли быть потомками местных феодалов, принявших христианство.

Первое имя, твердо связанное с Мангупом, дошло до нас в надписи, найденной в базилике при раскопках в 1913 г.: «...построена эта башня верхнего города почтенной Пойки — помощью божией и святого Димитрия и попечением всечестнейшего нашего Хуйтани сотника [достойного] всякой чести и [совершенно] восстановление Феодоро, вместе с Пойкой построены в 6870 году» (то есть в 1361—1362 гг.).

Исходя из этой надписи, можно сделать вывод, что Хуйтани правил княжеством в 60-х годах XIV в. Далее, по-видимому, правил Василий, а затем сын его Стефан, который в конце XIV или начале XV в. вместе со своим сыном Григорием выехал в Москву, где положил начало роду князей Ховриных-Головиных. Дочь Стефана Мария в 1426 г. вышла замуж за трапезундского правителя Давида Комнина, а второй сын Алексей сделался князем Мангупским и правил до 1434 г., видимо, до дня своей смерти.

Его сын, тоже Алексей, княжил в 1434—1456 гг. Он отмечен источниками в связи с отнятием у генуэзцев в 1433 г. Мангупским княжеством крепости Чембалло, когда он (еще княжичем) попал в плен, но вскоре был освобожден и стал править в Мангупе.

За ним следует известный по письменным источникам князь, носивший татарское имя Олубей или Улубей (1456—1471 гг.). Некоторые историки приписывают ему и христианское имя Иоанн. Надо полагать, что он был братом Алексея (Алексеевича). Дочь Олубей Иоанна стала женой Стефана, господаря Валахского.

С 1471 г. по апрель 1475 г. княжеством управлял Исаак (в русских источниках XV в. Исайко), брат Алексея и Олубей. В апреле — мае 1475 г. незаконно правил один из сыновей Олубей, имя которого неизвестно. Наконец, последним мангупским князем был старший сын Олубей Александр. Он сверг своего брата и находился у власти до последних дней существования самого княжества.

¹ Эта фамилия оставила свой след в топонимии горного Крыма: дер. Гаври (совр. Отрадное) у подножия Бойки хранит остатки средневековых построек, культурный слой и могильник XIII—XV вв.

Интересны политические связи, которые мангупский княжеский дом имел или предполагал иметь с правителями соседних стран. Эти связи, особенно родственные, отражают политическое значение княжества в Северном Причерноморье в конце XIV—XV вв. Мангупские князья подчеркивали свое родство с византийскими императорами. Гербы, высеченные на камнях вместе с надписями, сообщавшими пышные титулы князей, украшались сложными монограммами, крестами и изображениями двухглавых византийских орлов.

Но как внешне блестяще ни выглядел в этих надписях Мангуп, фактически княжество постоянно испытывало зависимость от более сильных соседей и вступало с кем-либо в открытую борьбу только тогда, когда чувствовало за собой чью-то сильную поддержку. Есть данные о том, что в середине XII в. феодалы юго-западного Крыма вместе с Херсоном тяготели к Византийской империи. Затем с начала XIII в. они подчинились Трапезунду и ежегодно отправляли его императорам подати.

Начавшиеся с 1223 г. набеги татарских орд на крымские города и селения первоначально не достигали пределов Мангупского княжества. Но в середине XIII в. (1242 г.) итальянский писатель Марино Санудо Торселло отмечает опустошительный набег на владения Мангупа. Особенно страшным был разгром юго-западного Крыма ордами Ногай в 1299 г. Тогда был уничтожен Эски-Кермен, захвачены и разграблены Чуфут-Кале и Херсон. Возможно, от этого набега пострадал и сам Мангуп. Следствием набегов татар, а затем и их оседания в XIV в. в районе нынешнего Бахчисарая явилась зависимость княжества от татар.

Развернувшаяся в XV в. борьба Мангупа с генуэзцами происходила с молчаливого согласия татар, извлекавших политические выгоды из этой распри. Имело значение и то, что оседлое земледельческое население давало татарам необходимые им продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия. Через порт Каламиту татары вели обширную торговлю. Православная церковь княжества, как и его правители, по-видимому, не чинила этой торговле ни малейших препятствий и несомненно извлекала из этого существенную пользу. В свою очередь татары, как позднее и турки, проявляли по отношению к христианскому духовенству в Крыму крайнюю терпимость.

В некоторых случаях поддержка Мангупа татарами была вполне реальной. Во время вооруженной (подстрекавшейся татарами) борьбы феодоритов с генуэзцами за Чембалло на стороне первых появились татарские войска, что оказало решающее влияние на исход этого столкновения.

Всегда сложными и в основном враждебными были отношения княжества с генуэзцами. Старый морской путь из крымских торговых городов в Средиземноморье уже с первой половины XIII в. перешел к

итальянцам. В 1350 г. генуэзцы запретили даже византийским торговым судам плавать по Черному и Азовскому морям, заходить в Дон и появляться в Херсоне.

В то же время договором 1380—1381 гг., заключенным генуэзцами с татарами, все южнобережные земли княжества стали считаться генуэзскими. А это бесспорно расценивалось мангупскими князьями, как захват их исконных владений. В свою очередь генуэзцы полагали, что к ним на основании этого договора могут перейти земли всей «Готии» и расценивали мангупских князей как незаконных владельцев чуть ли не самого Мангупа.

Особенно острая борьба Мангупа с генуэзцами разворачивается в первой четверти XV в. Она отразилась в генуэзской инструкции по управлению ее черноморскими колониями (1458 г.), где говорится о князе Теодоро (Феодоро) и его братьях, что они «не должным образом занимают Готию, принадлежащую народу Кафы; вопреки праву и привилегиям Кафы они открыто сооружают гавань в Каламите и там же грузят и разгружают суда к тяжкому ущербу податей Кафы».

Блестящими для княжества были годы правления Алексея старшего. Он называл себя пышным титулом «владельца Феодоро и Поморья». Быть может, именно Алексей и восстановил великолепный дом и базилику на Мангупе, крепость Каламиту и большой храм в Партените. Этот период заканчивается вооруженным столкновением с генуэзцами.

Поздней осенью 1433 г. при поддержке восставшего против колонистов населения Чембало Алексей выгоняет генуэзцев из этого укрепления. Овладеть им вновь Генуе удалось лишь через год. Для этого пришлось послать флот из 21 судна и армию в 6 тыс. человек. Летом 1434 г. генуэзцы вернули себе Чембало, а Каламиту сожгли. Но она вскоре была возвращена княжеству.

После взятия турками Константинополя (1453 г.) верховные власти Генуи поняли, какая опасность нависла над их колониями на Черном море. Это заставило их стремиться к смягчению обострившихся отношений с Мангупом. Генуэзские документы середины XV в., характеризующие по-прежнему агрессивные настроения генуэзцев по отношению к княжеству, говорят и о дальновидных дипломатических маневрах властей Кафы. Приведем один из таких примеров. 6 сентября 1455 г. кафинский военный инженер Джиованни Пиччинино писал протекторам Банка св. Георгия, которому с середины XV в. принадлежала Кафа и все итальянские колонии в Крыму: «Много раз предстою я перед господами консулом и массариями, предлагая, что с небольшим отрядом возьму крепость Феодоро, но они оставались глухи к моему предложению. Поэтому я вас прошу дать распоряжение вышеназванным консулу и массариям, чтобы они мне дали хотя бы сто человек, которые вместе с кораблем отправились бы со мной в Чем-

бало. Без сомнения с моим искусством я возьму названную крепость; если мне будет дано сто человек, то я не сомневаюсь, что вся Готия будет под Вашей властью».

Подобный авантюризм никак не соответствовал политике генуэзских властей. В 1456 г. протекторы Банка св. Георгия писали в Кафу: «Мы полагаем, что будет иметь в высшей степени важное значение, если светлейший властелин Феодоро будет сочувствовать нашим планам. Ему мы пишем письмо, экземпляр которого вы найдете в пакете. Мы убеждаем вас, чтобы вы это письмо или доставили властителю Феодоро или придержали его, в зависимости от создавшихся условий, если это будет полезнее. Мы все убеждены, чтобы вы старались с этим властителем иметь дружеские и мирные отношения, так как по мнению всех опытных людей Кафы, его дружба в это время для города в высшей степени полезна».

Наконец, в 70-х годах XV в. сложились довольно дружественные отношения между княжеством и генуэзцами. Мангупский князь Исаак посетил Кафу и, по-видимому, заключил с генуэзцами какое-то мирное соглашение. Однако нависшая над Крымом реальная опасность турецкой агрессии заставила генуэзских торгашей раболопно и вероломно подчиниться надвигающемуся врагу. Они поспешили отправить султану добровольную дань, настаивая на том, чтобы подобное же приношение сделал и мангупский князь, который от этого откасался.

Из русских документов XV в. известно, что о Мангупском княжестве хорошо знала Москва. Великий князь Московский Иван III собирался породниться с мангупскими князьями — женить своего сына на дочери Исаака. После предварительных переговоров побывавшего в Мангупе в 1474 г. русского посла Беклемишева боярин Алексей Старков, направленный в 1475 г. Иваном III в качестве посла к крымскому хану Менгли-Гирею, должен был посетить Мангуп, передать Исааку и его княгине подарки и поклон, сделать особый «поминок» дочери Исаака и начать переговоры о сватовстве. Но Старкову не удалось выполнить это поручение, так как к моменту прибытия его в Крым Мангуп был уже в руках турок.

В течение почти 30 лет назревал захват турками берегов Северного Причерноморья. Первое нападение их флота на берега Крыма произошло в 1447 г. Вскоре последовал повторный визит в 1454 г. Под нажимом военно-морских сил турок консул Кафы согласился платить ежегодную дань, а турецкий флот, получив нужный ему провиант, на обратном пути в Константинополь опустошил беззащитные поселения южного берега Крыма.

В 1475 г. Мангупское княжество одиноко стояло лицом к лицу с сильнейшим из своих врагов.

К тому времени, в самом начале 1475 г., умер князь Исаак. Узнав

о смерти отца, Александр, старший сын и наследник, гостивший у своего шурина — Валахского (Молдавского) господаря Стефана, поспешил в Крым. Высадившись, как предполагают, в Ласпи и умертвив захватившего престол брата, он на третий день при помощи трехсотенного отряда валахов, прибывших с ним, вступил во владение отцовским наследством. Это произошло накануне осады Кафы.

В июле 1475 г. турецкая армия подошла к Мангупу, но встретила отчаянное сопротивление его защитников. Выдержав пять штурмов, Мангуп пал только в декабре. Его защитники, изнуренные голодом, сложили оружие. Город был разграблен. Многие из уцелевших жителей были уведены вместе со всей княжеской семьей в рабство.

Однако жизнь на Мангупе угасла не сразу: он сделался на долгое время главной цитаделью турок, резиденцией паши, ведавшего большим кадылыком (округом), оставленным турками за собой. В старом замке, капитально перестроенном, стоял до XVIII в. турецкий гарнизон. Затем крепостью недолгое время владели татары, а после присоединения Крыма к России Мангуп за ненадобностью окончательно пустеет.

ОТ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА ДО ТМУТАРАКАНСКОГО КНЯЖЕСТВА

Восточный Крым в V—XII вв.

раннесредневековая история восточного Крыма изучена еще недостаточно. Письменных источников уцелело мало, а археологические работы только начаты.

Основным памятником раннего средневековья для Керченского полуострова, оказавшегося в первых веках нашей эры едва ли не главной на Крымском полуострове ареной бурных исторических событий, является бывший Пантикапей, на месте которого стоит современная Керчь.

Как известно, Боспорское царство в конце IV в. было разгромлено гуннами. Однако жизнь на его территории не прекратилась. Столица царства — Пантикапей — подверглась сильному разрушению, но быстро ожила и под названием Боспор в V—VI вв. стала довольно значительным торгово-ремесленным городом, центром Боспор-